

АЛЕКС ГОЛОВКО

ДРУЗЬЯ-СОПЕРНИКИ

16+

Александр Головки
Друзья-соперники

«Автор»

2020

Головко А. В.

Друзья-соперники / А. В. Головко — «Автор», 2020

Повесть о жизни и становлении творческого пути главного героя Арсения будет близка многим начинающим поэтам и писателям. Сомнения в поиске верного пути приведут, наконец, к желаемому результату, но в душе останется какая-то неудовлетворенность, нереализованность, обида, что и послужило побудительным мотивом для написания данной книги.

© Головко А. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вместо предисловия[1]	5
Глава 1. Посвящение в избранные	7
Судьбоносная встреча	9
Коварное падение	11
На волнах воспоминаний	13
Ветры перемен	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Головки

Друзья-соперники

Вместо предисловия¹

В дни повальных гаджетов, когда традиционная литература кажется уходящим архаизмом, многие стали избавляться от бумажного «хлама».

Однажды, возле контейнеров с отходами, я увидел стопку книг, аккуратно перевязанную бечевкой. Тут тебе и Чехов и Толстой, Джек Лондон и Джонатан Свифт, и еще много книг других писателей и поэтов, за кем наше послевоенное поколение гонялось, доставая желанную литературу по подписке, через знакомых.

Тогда было престижно иметь дома свою библиотеку, по которой судили об её обладателе, как о культурном, образованном человеке. Теперь полки с книгами «портят» интерьер квартиры, и их безжалостно выбрасывают на помойки, в лучшем случае раздают оставшимся книголюбам. Даже из библиотек стали выставлять «списанные» книги на разбор всем желающим.

Рядом с книгами стояла стопка общих тетрадей, аккуратно перевязанная целлофановой веревочкой.

Открыв первую тетрадь и прочитав пару страниц, понял, что это дневники.

Меня заинтересовало их содержимое. В них чувствовалась искренность, говорилось о каких-то взаимоотношениях.

Стопка из тетрадей была внушительной, тем не менее, я решил взять ее с собой и почитать. Бывает, что и на помойке находят бриллиант...

Дома я не пожалел, что захватил тетради. Подумал: если выбрать некоторые моменты, то получится рассказ или повесть, что будет интересным даже для широкого читателя.

Беспокоила этическая сторона. Но если рукопись не уничтожили, значит, ее участь предоставлена самой судьбе?

Как подмечено в народе: божий дар – не ячница. Если писать откровения, это не дар, тогда что движет людьми, которые оставляют подобные исповеди? Может у них такой склад ума – копаться в себе, анализировать свои и чужие поступки, желание проникать в тайны психологии человеческих отношений?

По ходу чтения вопросов у меня возникало все больше.

Действующие лица рукописи – Арсений и Роман почти ровесники. «Одна, но пламенная страсть» связывала их судьбы, это увлечение творчеством.

Арсений, от имени которого ведется повествование – «известный в узких кругах» поэт, прозаик, публицист уважаемый и талантливый человек, несущий людям радость и мудрость слова.

В дневнике он задается различными вопросами и пытается найти на них ответы.

Непонятно, что толкнуло его на эту исповедь —

обида, неудовлетворенность собой, прошлым или настоящим? В этом он сам пытается разобраться.

Роман – близкий друг Арсения и его наставник. Вокруг них возникают и бушуют страсти. История, которая здесь описана, уникальна, как и любой человеческий опыт.

¹ Имена, фамилии героев, названия организаций изменены. Подобия некоторых персонажей случайны.

Рисунок внучки – Иры Сиваевой, 6 лет.

Глава 1. Посвящение в избранные

– Давайте знакомиться, мой возможный будущий читатель. Зовут меня Арсений. Не знаю, зачем я это пишу, может, во вред себе, но такая потребность появилась во мне после того, как жизнь наполнилась необычными, доселе не предполагаемыми событиями, в корне перевернувшими мою предшествующую жизнь.

Я окунулся в удивительную стихию – в творчество. Толчком к этому послужила моя внутренняя потребность к самовыражению и знакомство с человеком, который не по наитию, а осознанно и профессионально занимался творчеством.

Услышал я о Романе (так я его назову), как об известном поэте, задолго до своего вхождения в так называемую местную богему, хотя поначалу и не мечтал приблизиться к этим «небожителям», тем более, представить нашу дружбу.

Перед тем, как с ним познакомиться, я уже попробовал "на прочность" свои вирши в местной прессе – меня печатали. Но хотелось понять: стоит ли и дальше поддерживать обуявшую меня страсть в солидном возрасте, заниматься этими «глупостями», как считают некоторые серьезные люди. Хотелось обрести единомышленников.

Узнал, что в городе существует бардовский коллектив с необычным названием – «Поющий Источник». Он базировался при санатории «Алмаз Кавказа». Руководил бардами всего региона, собрав их под одной крышей, главврач здравницы Евгений Николаевич Никишин, поющий и играющий на гитаре энтузиаст.

Я решил сначала обратиться к нему.

В приемной меня даже не спросили о цели визита. По внутренней связи средних лет секретарша пропела: «Евгений Николаевич, к вам тут молодой человек...»

Осознав, что сделала промашку, не спросив даже имени, вопросительно глянула на меня.

Я назвал. Она повторила в микрофон.

– Хорошо,пусти,Надя, – пророкотал из устройства связи приятный баритон.

Я зашел за солидные двойные двери. За столом сидел лысоватый мужчина, приятной наружности, пристально смотревший на меня в упор. Он встал и протянул руку.

Представившись, я извинился за то, что беспокою занятого человека. И сказал, что давно наслышан про бардовский клуб, которым он руководит.

Никишин спросил, что конкретно меня интересует.

Слегка волнуясь, я сказал, что хотел бы показать свои стихи, посоветоваться, стоит ли мне продолжать это дело...

Он на секунду задумался, потом произнес:

– Знаешь, Арсений, я сам не являюсь докой в этом вопросе, но ты можешь показать стихи кое-кому из наших, в клубе есть неплохие поэты. Не исключено даже, что кто-то заинтересуется ими, напишет песню, а то и не одну...

И добавил:

– Если не напишет, ничего страшного, сотворчество – дело тонкое. Пока походишь к нам, присмотришься, а там видно будет.

Меня не покорила его фамильярность, а доверительный тон обнадежил. Я лишь выразил сожаление, что стихи написаны от руки, а мой почерк не каждый разберет...

Никишин и тут моментально проявил готовность помочь:

– Это не проблема, я дам рукописи Наде – машинистке, она напечатает, сейчас у нее не так много работы.

Через недельку я забрал напечатанные стихи, и зашел к главврачу поблагодарить. Тот встретил меня, как старого знакомого, снова заговорил о бардовском коллективе, пригласив

принять участие в совместном концерте, посвященном юбилею директора клуба санатория Борису Махову.

Поведал также о предстоящем фестивале, который проходит ежегодно под сводами данного лечебного заведения, но имеет всероссийский статус и тоже пригласил принять в нем участие.

Я так далеко не загадывал, сказав, что на концерте вряд ли смогу быть на равных с играющими и поющими бардами, среди которых наверняка есть признанные фавориты, лауреаты различных фестивалей, конкурсов.

– Не беда, – парировал он. – Попробуете свои силы. Это ни к чему не обязывает. Вам нужно больше общаться с интересными людьми. Там встретите единомышленников, время само покажет, что приемлемо, а что нет. Творчество не любит фальши и лжи.

Так что приходите на юбилей Бориса. В недавнем прошлом он был известен в городе как руководитель вокально-инструментального ансамбля. В девяностых ансамблю не удалось выжить, и он распался.

Улыбнувшись, грустно пошутил:

– К сожалению, сегодня вчерашние длинноволосые ребята смотрятся не так свежо. Я сам был из таких, а теперь вот... – Он погладил ладонью свою лысину. – Но не все еще потеряно. Нам в санатории понадобился профессионал, такой, как Борис Викторович, и я принял его на работу.

Ты, извини, – будто спохватился он, – что обращаюсь запросто, у нас все так. Творчество дает ощущение бодрости и молодости духа и тела.

Я тебя представлю членам команды, – продолжил главврач, – ты сможешь почувствовать творческую атмосферу. Если все пойдет успешно, вольешься в нашу среду.

Во время разговора, постучав, в кабинет заглянул коренастый, седовласый, улыбчивый человек.

Никишин радостно воскликнул:

– Ну вот, на ловца и зверь бежит! Заходи, Борис, познакомлю тебя с начинающим поэтом.

Услышав о моем увлечении поэзией, Борис Викторович неожиданно предложил:

– Хотите, я подарю вам почти новенькую печатную машинку, мне она уже не нужна. На дворе, знаете, век Интернета, я теперь осваиваю компьютер. По сравнению с печатной машинкой, это все равно, как самокат и Мерседес-Бенц...

Выйдя от новых знакомых, я почувствовал себя окрыленным – все складывалось, как нельзя, лучше!

Так неожиданно легко была решена для меня, казалось, неодолимая проблема. Предомной открывались новые горизонты, о чем я и не мечтал...

Судьбоносная встреча

В день юбилея и концерта в честь Виктора Махова, худой и слабый (после недавней операции на сердце), но с надеждой в горящих глазах и с синенькой тетрадкой стихов (взял с собой на всякий случай), я прибыл в ДК санатория «Алмаз Кавказа».

Перед началом вечера люди собирались в фойе, стояли группами и парами, общались, видно было, как старые знакомые. Кто-то представлял друзьям своих друзей, обсуждали общие дела.

Вечер проходил на втором этаже клуба. Это было нечто вроде верхнего фойе, откуда можно войти в концертный зал с противоположной стороны сцены.

В просторном зале висели картины, на одной стене красовался огромный коллаж с участниками «Поющего источника». В художественном беспорядке на нем были разбросаны фотографии известных бардов, приезжающих из столицы и других городов страны в качестве участников и членов жюри фестиваля. Здесь же и снимки лауреатов, организаторов, меценатов и многих других звезд этого содружества.

На переднем плане – групповое фото с Евгением Никишиным и его командой. Они сидят в походных костюмах у костра, с гитарами. Вокруг – могучие стволы сосен. Вдали белеют снеговые вершины Кавказа. Видно, что собравшиеся исполняют песню под гитару, и мне почему-то сразу представилось, что поют они «Солнышко мое», Юрия Визбора:

*Милая моя, Солнышко лесное,
Где, в каких краях встретишься со мною...*

Наверняка в этой компании собрались вполне успешные и сложившиеся творческие личности. Слышал, что они часто выезжают всей командой или небольшими группами на различные фестивали, ходят в горы, на природу с рюкзаками и гитарами.

Стоя в сторонке, я чувствовал себя не совсем уютно, сверлила мысль, что я здесь чужой, и мои стихи вряд ли кого-то заинтересуют.

Глядя по сторонам, заметил известного в городе поэта – Романа Гречко, однофамилец известного в поздний советский период министра обороны. Роман увлеченно беседовал с молодым мужчиной.

Подойдя поближе, невольно услышал: речь шла как раз о поэзии.

У меня участилось дыхание, рядом со мной стоял живой поэт, человек, с которым давно хотел познакомиться.

В городе, правда, существовало мнение, что этот Гречко не очень жалуется начинающих, всех поучает, как писать стихи, перекраивает их на свой лад...

А еще люди судачили, что, выступая в санаториях с концертами, он «гребет деньги лопатой» и ему нет дела до таких, как я.

Но, на мой взгляд, рядом стоял довольно симпатичный человек, примерно одного роста и возраста со мной, широковатый в кости, но с правильными чертами лица. Своим видом он не вызывал плохих эмоций.

Как только собеседники закончили беседовать, я подступил к нему со словами:

– Роман Сергеевич, извините, я немало слышал о вас, читал ваши стихи.

Тут я запнулся, поскольку слегка преувеличил, говоря «читал» (кроме пары публикаций в газете мне пока не удалось прочитать еще что-нибудь), но отчаянно продолжил: они глубокие по смыслу, трогают душу и мне очень нравятся...

Видя, что он молчит, я нырнул глубже, словно в омут с головой, решил "брать быка за рога":

– Хотел бы показать свои. Могли бы вы дать им оценку?

Он внимательно смотрел на меня, в серых глазах не было ничего предосудительного. Ответ и вовсе ошеломил: «Догадываюсь, что они у вас с собой. Давайте...».

Я спешно вытащил заветную тетрадь.

Открыв ее, он начал было читать, но через полминуты закрыл, словно передумав, сказал: – Вы не против, если я ознакомлюсь с содержимым у себя дома?

Через неделю у меня концерт в детском санатории «Березы». Можете придти туда часам к двенадцати? Заодно послушаете мое выступление.

Да, – будто спохватился он, – платить за концерт не надо, с санаторием у меня заключен договор, они оплачивают мои выступления перед детьми, друзья и желающие проходят бесплатно.

Просто скажете на вахте, что я вас пригласил, они пропустят. После концерта мы побеседуем в фойе, нам никто не мешает.

Это было, как во сне, однако я смог уловить предложение Романа и с радостью согласился.

Роман убрал тетрадь во внутренний карман пиджака, сложив ее трубочкой. Мы разошлись.

А юбилейный вечер был в самом разгаре. Неожиданная встреча так взволновала меня, что я смотрел на происходящее механически, мысленно возвращаясь к короткому разговору с Романом, думая о предстоящем встрече, о том, что все получилось лучше, чем я предполагал. Не барды, а самый настоящий поэт согласился посмотреть мои стихи, пообщаться со мной!

Коварное падение

На этой радостной ноте можно было бы закончить рассказ о юбилейном вечере, но судьбе было угодно отметить его еще одним запоминающимся, но не очень приятным для меня сюрпризом.

Среди великолепия обстановки фойе в ДК санатория, недалеко от невысокой, полукруглой сцены стояли накрытые столы с закусками и горячительными напитками. Я присел за один из столиков, слушая поющих с небольшой сцены.

На ней была установлена современная аппаратура. Барды, друзья именинника выходили на сцену по очереди, поздравляли Бориса Махова, читали стихи, исполняли песни.

Пары в сторонке непринужденно танцевали под живую музыку, другие подкреплялись напитками, подходя к накрытым столам

Я слушал исполнителей. Молодые и уже в возрасте барды, пели под гитару или под «минусовку», среди них – исполнители с уникальными голосами. Это были уверенные в себе, красивые женщины и мужчины, энергичные, веселые, привыкшие к вниманию и к такой обстановке, чувствующие себя в ней, как рыба в воде.

Под настроение я выпил немного вина. Познакомился с соседкой по столу – симпатичной бардессой лет сорока, пригласил ее на медленный танец. Расслабившись, сказал своей спутнице пару комплиментов.

Танец закончился, но не успели мы вернуться на свои места, как ведущий объявил «белый танец». Дама сделала мне реверанс, и мы вошли в круг.

Я любил вальс и, при случае, прежде с удовольствием танцевал его. Решил и тут не ударить лицом в грязь, лихо закружил партнершу, лавируя среди пар.

От быстрого танца меня вдруг качнуло и, неожиданно для себя я, словно тряпичная кукла, по инерции полетел в сторону, теряя равновесие.

Невидимая сила несла прямо под накрытые столы, завешанные скатертями...

Раздался грохот падения раздвигаемых стульев, послышались возгласы удивления и испуга, все замерли, музыка оборвалась.

Под столом на секунду я будто отключился. Но вскоре, осознав нелепость своего положения, попытался выбраться.

Мне помогли. Толком еще не соображая, стал бормотать извинения, и благодарить помощников.

Ощущая себя неважно, присел, не понимая, что это было...

Женщина, с которой только что танцевал, заботливо заглядывала мне в глаза и спрашивала: «Вам плохо? Может, воды?»

«Да», – ответил я, – пожалуй...»

Выпив пару глотков из стакана, почувствовал облегчение, попытался объяснить свое падение:

– Знаете, я после операции. Не рассчитал силы...

Она упрекнула меня, сказав, что такое поведение очень опрометчиво с моей стороны.

Я чувствовал себя уже не ухажером, а провинившимся школьником. Ощущая пустоту в груди и шум в голове, я все же поблагодарил ее за танец и участие, и решил удалиться, думая, что дебют мой здесь не очень-то удался...

Позже, вспоминая этот случай, удивлялся такой реакции организма. Скорее всего, это он должен удивляться моему поведению. Рановато я пустился во все тяжкие, ведь грудь еще толком не зажила, мог бы и шов разойтись...

Однако мысли о физическом падении вскоре отошли на второй план, зато целую неделю я перебирал в голове детали встречи с Романом: поэт... концерт...

А еще, вспоминая встречу, подумал: жаль, что не встретил такого наставника в пору своей юности. Уже тогда я пытался крапáть стишки, но рядом не оказалось умного, опытного человека, который помог бы, подсказал и направил меня в нужное русло.

И вновь, и вновь набегали сомнения: не поздно ли взялся за такое дело? Тяжело в таком возрасте ощущать себя начинающим да еще с таким заболеванием. И о чем можно теперь мечтать, ведь все великие состоялись смолоду?

С другой стороны, почему-то упрямо верил, что смогу все преодолеть, что творчество вытянет меня и станет путеводной звездой во вновь сложившихся обстоятельствах.

В глубине души я чувствовал в себе это призвание. Работать, как прежде я не мог, здоровье не позволяло, а для мужчины – сознание собственной бесполезности равносильно смерти. Но твердо для себя решил: если услышу от Романа нелестный отзыв на счет своих способностей, брошу писать.

Надежда умирает последней...

И с этой надеждой я пошел на встречу. В назначенное время побывал на его концерте.

Это выглядело вполне профессионально, одетый в строгий темный костюм, галстук, он читал свои стихи, рассказывал подросткам – приехавшим со всей России об истории города, о Кавказе и поэтах, побывавших и воспевавших местные красоты.

Все было хорошо, но мне показалось, что в его общении с детьми чего-то не хватало.

Позже понял: не было огонька в общении и должного контакта с детьми. Они хлопали, но довольно холодно, скорее, вежливо.

Роман – педагог, преподает русский и литературу именно в этом санатории детям, приехавшим поправить здоровье без отрыва от учебы.

Я сомневался: вправе ли судить с кондачка о новом знакомом, тем более, таком известном в крае?

После концерта мы нашли уютное местечко в фойе на первом этаже санатория. Я рассказал немного о себе. Роман тоже легко открылся мне как человек и как поэт.

Он оказался вполне приятным в общении, сказав, что о нем ходят разные, порой нелестные слухи, но это потому, что завидуют. И что он привык не обращать внимания на сплетни, а, занимаясь любимым делом, всегда рад помочь другим. Но почему-то многие боятся обращаться к нему, хотя он по призванию педагог и поэт, человек самой мирной профессии.

Признался, что у него на руках больная мать, а близких друзей, так сложилось, он практически не имеет.

И что самое главное, Роман не разрушил мои надежды, наоборот, предложил помощь в нелегкой науке стихосложения и пообещал, что если не передумаю, не отступлю, то, возможно, из меня в дальнейшем что-то получится.

Почувствовав к нему расположение, я поведал о себе, о семье, подтвердил то главное, ради чего я готов на все: учиться азам стихосложения, тому, чем так мастерски владеет он.

Роман сказал, что это путь долгий и трудный, освоить технику стихосложения – не самое главное. Есть полно литературы на этот счет, были бы способности, еще лучше – талант...

Но если буду слушать его, как наставника, то он попробует мне помочь.

Тут же показал характерные ошибки в моих стихах. Они оказались настолько очевидны, у меня будто заново открывались глаза...

Не знаю, как насчет таланта, но желания мне было не занимать. На том и порешили, договорившись о следующей встрече.

На волнах воспоминаний

Рос я впечатлительным пацаном, был любопытен, жаден до впечатлений и приключений. Трудное детство, смерть мамы в десятилетнем возрасте, детский дом. Со сверстниками в раннем детстве и в детдоме познавал этот мир порой с риском для жизни.

Куда только не заносила меня фантазия и жажда неумемной деятельности. Это все запечатлевалось в моей душе и позже выплеснулось в неумелые стихи уже в ранние годы.

В тринадцать лет, под воздействием приключенческой литературы сочинил первый стишок про индейцев:

*Льёт сильный дождь,
в земле промоины.
Шагает вождь,
а следом – воины.
Украшен перьями
индейский вождь —
в себе уверенный,
хоть краснокож.*

В шестнадцать лет из детдома меня забрал в свою семью старший брат, я стал зарабатывать физическим трудом, освоив профессию токаря на механическом заводе.

Сложности жизни требовали самостоятельности в принятии решений, пришлось рано повзрослеть.

Через пару лет ссора с братом, вернее, с его женой по причине моего «неверного» выбора девушки, с которой начал встречаться, и которая не понравилась снохе уже тем, что была из другого поселка (к ней мне приходилось ездить по выходным), заставила меня сделать шаг к полной самостоятельности – уйти на вольные хлеба.

Сначала я перебрался к отцу с мачехой.

Мачеха запросила с меня сумму за квартиру в три раза меньшую, нежели ту, что я отдавал брату. А отдавал я ему все до копейки.

Я обрадовался: теперь можно было не только ездить к девушке, но и тратить немного на себя, покупать вещи, откладывать деньжата на «черный» день.

Купил, наконец, электробритву, походный чемоданчик, куда сложил белье и остальное.

Сначала житье у отца складывалось нормально, я работал, ходил в вечернюю школу, где за год до этого познакомился со своей девушкой, приехавшей в наш поселок на отработку практики в аптеку от фармучилища.

Чтобы не скучать вечерами после практики, она тоже решила ходить в нашу вечернюю школу. И пошла именно в мой девятый класс, хотя уже закончила его ранее. Объяснила это просто: чтобы не скучать на съемной квартире долгими вечерами, решила ходить на занятия, повторение – мать учения. Она планировала в будущем поступить в ВУЗ.

Лена была серьезной девушкой, училась только на «хорошо» и отлично», но всех в классе заворожило, как она очень эффектно отвечала у доски.

Великовозрастные ученики вечерней школы, в основном рабочая косточка, слушали, любуясь милым личиком, и поражались ее четкими ответами и глубокими знаниями.

Зацепило это и меня...

Дорога к нашим домам оказалась попутной. И в первый же вечер после занятий мы оказались рядом на одной аллее заброшенного сквера.

Стоял теплый осенний вечер, дорожка была устлана опавшими листьями, шуршащими под ногами.

Помню, я начал с восторгов по поводу ее знаний и четких ответов перед преподавателем. Фонарей не было, мы шли почти в кромешной темноте, это придавало мне смелости. Я узнал ее нехитрую семнадцатилетнюю историю жизни до нашей встречи.

Обычная деревенская жизнь в поселке, находящемся более чем за сто километров от нашего. Пожилые родители, младшая сестра, восьмилетка и поступление в фармацевтическое училище. Это был третий курс, через год экзамены, распределение на отработку в какой-нибудь Урюпинск, мало ли их городов в России.

Поведал и я о себе, почти сознательно растягивая время – не хотелось спешить домой. Ей, видимо, тоже. Мы даже присели на случайную скамейку.

И в первый же вечер, неожиданно для себя, признался, что у меня никого нет, и что она мне нравится...

Все это прозвучало наивно, но серьезно, она не отстранилась, не дала мне отповедь, хотя я и не услышал в этот вечер заветное «да».

Мы оба были юны и доверчивы, и я интуитивно почувствовал в себе дыхание прихлынувшей любви...

Первое чувство, первые романтические встречи.

В другие вечера, идя со школы, мы и вовсе не спешили, с каждым разом всё дольше задерживаясь на скамейке или уходили вглубь сквера, и там говорили, говорили...

Первые поцелуи, объятия, признания в вечной любви у заветного вяза.

После того, как у Лены закончилась практика, и она уехала в город для продолжения учебы, я стал наезжать к ней по выходным.

В разлуке, скучая, часто приходил к «нашему» вязу и мысленно разговаривал с ним. В тоске по любимой вырезал ножичком ее имя на коре дерева...

Эти разлуки и тоска, вероятно, возродили во мне тягу к самовыражению в поэтической форме. Я стал писать ей письма, и почти все исключительно в стихотворной форме. Конечно, это были еще не стихи, нечто вроде рифмованного слога, со множеством эпитетов, восторженных слов, сравнений.

Помню, когда писал письмо, я впадал в некую эйфорию, строчки сыпались на белую бумагу как из рога изобилия.

Лене нравились мои излияния, она никогда не критиковала мои вирши.

Расставшись, мы с нетерпением ждали новой встречи, но на свиданиях часто ссорились...

Я уезжал подавленным, разбитым, виня больше себя за свою несостоятельность. Ее же – наоборот винил, как мне казалось, за чрезмерно практичное поведение и неуступчивость даже в мелочах.

Мы сильно разнились в характерах. Она была уравновешенной, трезвой в суждениях и поведении, меня часто заносило куда-то в нереальные сферы, мечты...

В разлуках нас снова тянуло друг к другу, мы встречались и снова ссорились, а расставшись, считали дни до следующего свидания...

Лена после восьмого класса также хотела жить самостоятельной жизнью, поэтому выбрала то, что ей казалось наиболее интересным – поступила в фармучилище, хотя понятия не имела, что это за профессия.

Дома оставались престарелые родители, а на плечах матери были младшая сестренка и парализованный отец, инвалид, участник Великой Отечественной войны. А так же хозяйство – корова, домашняя птица, огород.

Когда отец был еще в состоянии трудиться, он позволил себе держать лошадь, что в хрущевскую пору категорически не приветствовалось. Ему открыто говорили, чтобы сдал ее в колхоз. Имея крестьянскую жилку, он не шел ни на какие компромиссы.

Лена с малых лет познала крестьянский труд, помогала матери по дому, поливала большой огород, где выращивались овощи, ездила с отцом на сенокос, помогая заготавливать скотине сено.

Большая часть из заработанного за год, сдавалась в колхоз в качестве налогов.

Если бы не кормилица-корова, домашняя птица, козы, из пуха которых мать вязала известные на весь мир оренбургские платки для своих дочерей, многочисленных родственников, продавала их за копейки, туго пришлось бы им в деревне, не имея стабильного заработка.

Мать хоть и работала на местном заводе уборщицей, этих копеек не хватало на одежду, школьную форму дочерям, на другие нужды.

Лена росла на домашней сметанке, маминых шанежках, на всем натуральном, что выращивали на огороде, потому была на вид сбитой, пышущей здоровьем девушкой.

Красавицей она не слыла, но зацепила меня этой своей свежестью и привлекательностью.

Я же был в этой жизни словно перекасти-поле, мне как раз, видимо, не хватало стабильности, потому я тянулся к ней, еще не осознавая этого. Помню себя юным, почти подростком, ищущим опору, каковой оказалась моя, тоже еще юная, но вполне уверенная в себе избранница.

В городе Лена жила на квартире, платила за койку, деля ее на двоих с еще одной студенткой. Хозяйка без стеснения выжимала свою прибыль, а они рады были тому, что угол на двоих обходился дешевле.

Встречала Лена меня на вокзале, но чаще я являлся к ней к двери квартиры, робко стучал, она выбегала полуодетая, пахнувшая сном, а я извинялся за ранний визит, потому что поезд приходил рано утром.

Но иногда на мой стук выходила недовольная хозяйка, ворчала, но потом вызывала Лену и мы, словно и не было никакой размолвки, обнимались, а потом уходили в город гулять, бродили по городу, летом купались в Урале, посещали театр или музыкальную комедию, цирк и другие культурные достопримечательности.

Иногда по выходным Лена (заранее сообщив мне на предыдущей встрече), ехала в свой поселок, чтобы на недельку-другую запастись домашними продуктами. Это было в обратную сторону от Оренбурга. Тогда я мчался к ней, мы проводили время в ее поселке, гуляли на природе, ходили на танцы.

Родители, после одного из моих появлений, узнали о наших встречах. Отец был против меня, как потенциального жениха, поскольку я был слишком молод и, что называется, без роду-племени и не имел за душой, что называется, ни гроша.

Ее мать, моя будущая теща, как-то легко смирилась с моими «недостатками» и, по крайней мере, не препятствовала нашим тайным встречам. Наоборот, подкармливала через дочь своего будущего зятя.

Между тем, в жизни и расписании Лены, в общем, ничего почти не изменилось после нашего знакомства.

В моей же – кардинально. За мои отлучки по выходным была недовольна сноха, она переживала больше всего за то, что я якобы трачу «лишние» деньги на поездки.

Обещала найти мне достойную невесту в родном поселке, но меня такая перспектива не прельщала.

К подружке я ездил на «дачном» поезде. Его называли у нас «барыгой», потому что он «кланялся» большим и малым станциям, собирая по ходу трудовой народ, крестьян, которые ехали в город на рынок и обратно.

Мой поселок находился в семидесяти пяти километрах от города и в ста двадцати пяти – от поселка Лены.

Первые разы, когда денег на билеты не было, при появлении кондуктора, я ретировался сначала в тамбур, затем перелезал на сцепку между вагонами и на крышу.

Ехал какое-то время с ветерком, летом это было даже приятно. Потом снова спускался в вагон. И так всю ночь – начеку!

Вспомнилось, как в первый раз приехал к ней в поселок, не зная точно адреса, думал, легко найду по фамилии.

Она рассказывала, что живет на улице, где у них почти все родственники с такой же фамилией, и что ее легко найти, стоит назвать фамилию первому встречному. Я был беспечен, не спросив даже адреса, примчался на станцию, спросил в буфете женщину, не знает ли она, где живут Кузины? Она меня отправила в противоположную сторону...

Оказалось, родственники были по обе стороны железной дороги, не только на улице, где она жила за вокзалом, но и селе Новосергиевская...

Буфетчица, кажется, была одной из родственниц этой большой по численности, известной в этих краях фамилии, отправила меня за станционный разъезд, состоящий из десятков переплетающихся рельсовых пар.

Здесь то и дело шныряли тепловозы, всюду стояли грузовые составы, под которые, чтобы перейти на другую сторону, нужно было подныривать, ежесекундно опасаясь, что состав дернется и задавит тебя, как мышонка.

Недалеко был подвесной мост, но все привыкли идти напрямую.

Перейдя на противоположную сторону разъезда, я отправился в село, от которого, как большинство населенных пунктов по ходу железной дороги когда-то, образовалась станция, позже выросли дома и улицы с другой стороны поселка – за железной дорогой, где на самом деле жила моя девушка.

Я долго плутал по огромному селу, спрашивал у людей, они разводили руки, пожимали плечами, но, наконец, где-то в самом конце села меня навели на дом, где жила девушка с такой же фамилией.

Родственница моей подруги, посмеявшись над непрактичностью ухажера, направила меня по нужному адресу...

То было счастливое время. В дни наших встреч мы с Леной ходили по укромным местам – у речки, недалеко от ее дома, купались, загорали в небольшой речушке с романтическим названием Лебязка, а вечером бегали на танцы, на площадку возле железнодорожного вокзала.

Однажды, когда я почти примелькался там, кому-то из местных парней не понравилась моя неместная принадлежность, они решили проучить чужака, отвадив от местной девчонки, о чем, естественно, меня не предупредили.

По дороге к дому Лены, куда поздним вечером я провожал ее, один из этих парней, подкраившись сзади, ударил меня чем-то тупым по голове.

Как ни странно, перед этим я слышал его приближение, чувствовал нечто недоброе происходящее за спиной, но стоически держался, стараясь не показать свой страх Лене.

К счастью, удар был не сильным, прошел по уху вскользь. Я моментально обернулся, встав в стойку, пытаюсь защищаться.

Подбежали его дружки и окружили меня, оттеснив Лену...

Кончилось бы это все печально, но на счастье, эту сценку из соседнего дома, мимо которого мы проходили, видел взрослый мужчина. Он выбежал, громко матерясь, и грозя хулиганам свернуть шею. Обидчиков как ветром сдуло.

Сосед тоже оказался родственником Лены, имя которого я не запомнил. Он успокоил нас, сказав, что теперь нам ничего не грозит, благо, до ее дома оставалось совсем недалеко.

* * *

Из той далекой поры еще вспоминаются мои ночи на вокзалах, коротание времени в ожидании поезда чтобы возвратиться в свой поселок после наших встреч.

В переполненном вокзале Оренбурга и в вокзальчике Лениного поселка, порой приходилось стоять, поскольку все сиденья были заняты. Люди, с баулами, ожидая начала продажи билетов или подхода поезда, спали вповалку, некоторые даже на полу, подстелив какой-нибудь плед.

Если не было места, приходилось гулять на улице у вокзала, чтобы развеять сон.

Когда уже было холодно, я пристраивался где-нибудь в душном помещении, пытаюсь скоротать время до поезда.

Помню, как в поселке Лены однажды, прислонившись к стене у кассы, заснул, словно провалившись куда-то. И, потеряв равновесие, стал падать...

Каким-то шестым чувством все же уловил момент падения, судорожно схватился за стоящее рядом сиденье, но навалился на уснувшую женщину всем телом.

Шум, крики, извинения...

В городе, гуляя с девушкой, у меня частенько не было денег в кармане, чтобы купить хотя бы пирожок. Лена все понимала, ни разу не упрекнула и сама подкармливала меня домашней стряпней.

Мне приходилось стоически переносить голод, дорожные трудности, но это меня совершенно не смущало, я принимал это как должное рядом с любимой и в ожидании встречи...

В городе, как я уже сказал, мы ходили в кино или в цирк (куда можно было достать дешевые билетки по студенческой книжке Лены). Посещали театр музыкальной комедии или драмтеатр, приобщаясь к прекрасному. С удовольствием впитывали новые впечатления. Город для нас обоих был новым миром и воплощением бесконечных соблазнов!

Мы бродили по городским скверам, ели горячие пирожки, продаваемые из лотка за пятак, иногда даже мороженое, пили копеечную газировку без сиропа.

После того, как я ушел от брата, у меня появились деньги, я стал распоряжаться ими, и мы с Леной могли себе позволить больше разнообразного досуга. И хотя мы часто ссорились, притираясь характерами, но проходил день-два и снова тянуло нас друг к другу.

В разговорах какой-нибудь пустяк неожиданно вызывал спор, и между нами вдруг вставала стена непонимания.

Я уезжал расстроенный, мучился, переживал, считая себя виноватым. Лена тоже, наверное, потому что легко прощала в письмах и ждала меня каждый раз.

Раскаяние и чувство, разгоравшееся в моей груди, толкало меня братья за письма и писать, горячо объясняться, извиняться. Я забывал о ссоре, а на лист бумаги выплескивались ритмичные слова, нечто вроде стихов. А еще меня вдохновляла сама музыка слова, поражали и восхищали, например, женские окончания на «ла»: "сказала", «пошла», "принесла". Все, что связано с образом любимой, удивляло своей необычностью, тем, что я испытывал к ней...

Эмоциональный порыв толкал меня к поэтическому слогу. Письма получались, как у пушкинской Татьяны к Онегину, полные тревоги и надежды. В переписке мы опять мирились, и с нетерпением ждали встречи.

Так пролетело два года.

Мне к тому времени пришлось уйти и от отца с мачехой, также возжелавшей большей оплаты за квартиру, нежели той, что сама назначила.

Я, было, стал возражать, ведь у них я только ночевал, днем работал, а в выходные почти всегда уезжал. И не питался у них, посчитав, что тех денег, что давал за койку, вполне достаточно.

Она вдруг стала зло оскорблять Лену, упрекать меня, что я прокатываю деньги на какую-то проститутку...

Этого я не мог стерпеть, потребовал замолчать, урезонивая мачеху, но она – сухонькая, маленькая, как мегера, кинулась на меня с кулачками.

Оттолкнув ее, я подхватил свой чемоданчик и выскочил прочь из дома.

Отца в этот момент не было дома, но он вряд ли бы заступился за меня, поскольку был стар и болен, полностью зависим от мачехи, живя у нее на птичьих правах.

Он и после не нашел меня, не счел нужным как-то оправдаться, а может, был на стороне мачехи в денежном вопросе...

Долго и бесцельно брел я по улицам. Зашел в сквер и присел на лавочку, размышляя о своей горькой участи.

Мимо проходила женщина, неожиданно она заговорила со мной, кивнув на чемодан:

– Приезжий? А что тут сидишь, ждешь кого?

Я ответил, что здешний, но вынужден на данный момент искать крышу над головой. Поинтересовался, не знает ли она, кто сдает квартиру, может, из ее знакомых.

Она же, осторожно расспросив, работаю ли я, могу ли заплатить за комнату? И на мой утвердительный ответ, предложила комнату в своем доме.

Поначалу у нас все было нормально, как у брата и у отца, но потом, разузнав у кого-то (поселок-то не велик, все почти знали друг друга), что, живя у брата, я всю зарплату отдавал ему, тоже потребовала добавить...

Я сказал, что она сама назначила цену. У меня нет лишних денег, нужно в зиму одеться, купить пальто, обувь, электробритву, ведь я, по сути, детдомовский...

На этом разговор вроде закончился, но вскоре я столкнулся с неприятным фактом. Из любопытства или чтобы проучить меня, хозяйка квартиры, когда я был на работе, залезла в мой чемоданчик, и забрала заначку денег, позарилась даже на электробритву, которую практически присмотрела, как я узнал позже, для взрослого сына, что жил с семьей отдельно...

Оскорбленный такой беспардонностью, я решил попробовать жить у Николая – другого брата по матери, тем более, он давно звал меня, даже обижался, что игнорирую его семью.

Сноха вроде с радостью приняла меня, сказав, что вместо того, чтобы шататься по квартирам, давно пришел бы к старшему брату.

Мы сговорились о той же злополучной цене, чему она была явно рада: «лишние» сорок рублей не помешают.

Я жил месяца три нормально, но вскоре история повторилась, как под копирку, в плане недостаточности оплаты. Пришлось идти снова на квартиру...

Тем временем пролетела вторая зима, за ней весна. Лена получила диплом, ей надо было ехать по месту назначения.

Меня ничто не держало в родном поселке, и я с радостью и даже с каким-то облегчением отправился за ней. Поехал, как декабрист, в сибирские края, хотя мы официально еще не были связаны узами брака. Нас вела только любовь и беззаботная юность...

Ветры перемен

На новом месте в сибирском городке Лену приняли в аптеку по специальности, а я устроился в шахту.

Мы сняли квартиру у хороших людей, как нам казалось вначале, но это были члены баптистской секты.

Рядом с нашей комнатой была свободная, где каждую субботу собирались их братья и сестры во Христе. Они включали большой ламповый радиоприемник и громко читали свои молитвы, транслируемые «Голосом Америки».

Нам с Леной невольно приходилось слушать эти «вражеские голоса», чувствуя себя не в своей тарелке.

Тогда баптисты считались запрещенной сектой, но встречались мне чаще, чем другие. Будучи уже взрослыми, живя на Кавказе тесть младшей дочери оказался членом этого направления в христианстве. И он так же меня «сватал» в свое братство. Потом на службе доводилось дискутировать часами с одной сотрудницей, женщиной баптисткой на религиозные темы.

Все они на удивление очень подкованы, отлично знают Библию, но по-своему трактуют ее. Все эти секты через разные каналы регулярно снабжали соответствующей литературой, цветными журналами.

У них свои молельные дома, теперь они не скрываются, свободно окормляются в своей вере и агитируют за свой приход.

Мне приходилось вести с ними жаркие споры, но силы были неравными. Комсомол, школа не давали таких знаний, для этого надо было постигать самому Библию, другие источники. Интернета тогда не было.

Я мог бы о них рассказать и много хорошего: можно позавидовать их сплоченности, верности семье, того, что мне не импонирует.

В тот период, когда мы жили в Сибири, мы были еще неокрепшими в духовном плане. Мы делали вид, что их песнопения, молитвы нас не касаются, хотя в такие моменты невозможно было что-то делать: читать, заниматься.

Вскоре они серьезно взялись и за нас, пытаясь «завербовать» в свои ряды. К нам вежливо постучались два убеленных бородача. Завязалась долгая беседа. Но, выслушав их доводы, мы вежливо отказались, сказав, что мы комсомольцы, воспитаны в атеизме.

Хозяева были добрыми людьми, мы им благодарны, что приютили нас, они недорого брали за проживание, но эти субботы сильно нас напрягали.

На работе я поделился своими сомнениями с товарищами по поводу соседства с маргиналами, заодно решил поспрашивать насчет поиска другой квартиры. Мне пообещали помочь.

Каким-то образом весть о нашей «дружбе» с баптистами дошла до шахткома комсомола. Меня вызвали и стали упрекать за легкомыслие и неразборчивость в людях.

Я заверил товарищей, что и сам уже не рад, что наше соседство случайно, и что мы ищем новое жильё.

И тут случилось чудо: функционеры местного ВЛКСМ связались с руководством шахты и мне предложили комнату в старом фонде.

Мы побывали в ней, но мне вдруг сообщили, что не смогут предоставить эту квартиру, предложили другую комнату в дощатом бараке совершенно без удобств. В ней не было ни отопления, ни воды, ни канализации, только большая кирпичная печь, которая требовала непомерно много дров и угля, а топить ее нам удавалось только ночью да в выходные.

Ведь мы работали и учились. За день комната так выстывала, что вода в зимнее время в ведре покрывалась корочкой льда, когда на улице бывал мороз, ведь это Сибирь!

Возвращаясь вечером, приходилось долго кочегарить печь, потом согреваться чаем, а спать ложиться одетыми.

К утру комната снова остывала, ведь мы засыпали, как убитые, устав за день. В комнате снова была почти минусовая температура, а надо было раскочегарить печь, позавтракать и бежать на работу.

Населяли барак в основном люди, как сейчас бы сказали, с низким социальным статусом: пьянь, бывшие уголовники и прочий сброд. Таковых было на тот период в нашем городе очень много, особенно в шахтах, ведь сюда ссылали неблагонадежных, политических, бывших пленных с незапамятных времен и с времен Великой Отечественной войны.

Мы рады были и этому первому нашему углу. Работая, продолжали учиться в вечерке. Лена хотела поступать в ВУЗ, но не стала спешить, и снова пошла со мной в вечерку, в одиннадцатый класс.

Через год, окончив школу, на выпускном, с однокашниками мы весело «обмыли» в ресторане дипломы о среднем образовании.

Это совпало с днем нашей регистрации в ЗАГСе – 22 июня, в день начала Великой Отечественной войны – мы стали мужем и женой.

В этом городе трудно было не поддаться романтике шахтерского труда, потому, я и пошел сразу на подземку. Ближайшая шахта «Ворошилова», или «5–6», так еще ее называли по номерам шахтных стволов, по которым поднимают на-гора уголь и породу.

По этим стволам на специальном лифте проходчики, взрывники, откатчики, рабочие участков опускаются под землю и поднимаются на поверхность.

Первоначальное впечатление от всего увиденного ошеломляет прежде невиданной нигде суровой действительностью. Все окружающее, кажется каким-то нереальным.

Шахтный лифт, довольно шумный, во время движения за решеткой двери можно наблюдать неровные стены серого тела колодца или шурфа, прорубленного в породе, по которому опускаются шахтеры на необходимый горизонт, это на десятки метров от поверхности земли.

Экипировка шахтера была соответственно требованиям и правилам техники безопасности: брезентовая роба, которая тянет килограмм на десять вместе с резиновыми сапогами и с головной каской. Аккумулятор – килограмма на два, крепящийся к брючному ремню сбоку, и толстый провод от него с фонарем, крепящемся к каске.

А еще – алюминиевая фляжка на пол-литра для кофе – черного, горячего, пахучего, который выдается бесплатно.

Обязателен СМС (самоспасатель) – красная металлическая овально-ребристая банка, внутри которой находится противогаз.

«Тормозок» – личный обед, который был не очень разнообразным, в основном, это ломоть хлеба да коляска порезанной колбасы. Обед можно захватить из дома или купить в буфете шахты.

Если ты рабочий на участке, тебе, как правило, приходится нести на спине для взрывников двадцать килограммов аммонала или аммонита (взрывчатого вещества).

И вот, снаряженный по полной, пешком, в резиновых сапогах и неудобной робе ты тащишься несколько километров по основной выработке до участка, куда причислен.

Во время пути тебя подгоняет сумасшедшая струя воздуха от промышленного вентилятора. Она достает до самых дальних выработок (участков), где непосредственно добывается уголек.

Наконец ты добираешься на свой участок, где уже требуется небольшой отдых, без которого трудно сразу приступить к своим обязанностям, данных тебе еще перед спуском на рабочей планерке.

Рабочая смена – шесть часов, обязанности самые разнообразные, с коротким перерывом не на обед, чтобы съесть «тормозок», высказать свои предложения, получить указания бригадира.

Возвращаться со смены к лифту было так же непросто: приходилось почти ложиться на струю воздуха, преодолевая ее с немалым трудом, настолько сильно дул вентилятор.

Самое тяжелое и противное в обязанностях горнорабочего, это чистка так называемой заилочки (от слова ил, "заилить") – жидкой, вязкой, слежавшейся в канаве глины, стекающей со стен с грунтовыми водами. Если ее не чистить, то вода потечет по деревянным настилам-тропуарам, глиной забьет узкоколейку.

Заилочку рабочие грузили в вагонетки, подаваемые электровозом с транспортного участка.

Чистить заилочку приходилось широкой шуфельной (совковой) лопатой. Ох, нелегко было вонзить широкую лопату в слежавшийся ил, а оторвать – еще труднее, чтобы закинуть содержимое лопаты в вагонетку.

В шахте также работают крепильщики, забойщики, взрывники, электрики, горнорабочие и другие специалисты.

Первыми начинают взрывники, они засверливают отверстия электробуром, закладывают в них взрывчатку.

После взрывных дел, начинается погрузка и отправка угля на-гора.

Там, где ширина пласта угля позволяет, работают фрезерные машины, а где узкий пласт, идет работа отбойными молотками.

Люди вгрызаются в слежавшийся за миллионы лет пласт черного «золота», которое свободно падает на ленту конвейера, перемещающего уголёк сразу в вагонетки.

За их наполнением следит рабочий, подающий сигнал машинисту электровоза. Тот продергивает состав, подставляя пустую вагонетку.

Таким образом, шахтеры дают стране угля.

Смен у нас было четыре в сутки, по шесть часов каждая, не считая времени спуска-подъема и дороги до места и обратно.

На смену надо приходиться заранее в здание шахтоуправления, примерно за два часа, чтобы получить задание на планерке, затем переодеться, спуститься на свой горизонт, и добраться непосредственно на участок.

Участок, а их несколько в шахте, может располагаться на одном или двух горизонтах, отстоящих друг от друга на пару десятков метров, соединяющийся меж собой вертикальными колодцами, пробитыми в породе.

Порой за смену приходилось по несколько раз лазить по лестницам с горизонта на горизонт, словно матрос по вантам парусника, выполняя разовые поручения мастера участка.

В то время в шахтах работало много бывших заключенных. Это были все те же отсидевшие срок уголовники, и прочий сброд.

Мне запомнилась даже фамилия одного литовца, вывешего военнопленного (не буду называть ее). Он отсидел срок за то, что служил в вермахте артиллеристом. Отбыв положенное, устроился здесь же, как вольный поселенец работать в шахте. Завел семью и жил, как обыкновенный советский человек.

Я пишу, может слишком подробно делах минувших дней. После детского дома, многое здесь показалось мне странным. Я невольно познавал новую «романтику», а порой и изнанку жизни.

Было странно поначалу, как бывшие заключенные, два брата Бардокины, хвалились своими «подвигами» – количеством ходок на зону. Постоянно звучала блатная речь, вперемежку с отборным матом, сыпались скабрзные политические анекдоты.

Мерзко было видеть в общей душевой, где мы мылись после смены, как один из братьев бравировал шестипальными насекомыми на своем лобке, а другой похвалялся передо мной гонорей, с упоением рассказывая о своих похождениях и о связях с проститутками.

С брезгливостью посматривал я на этих молодцев, а они порой, то ли в шутку, то ли всерьез предлагали и мне "на развод" парочку шестипальных, приглашая вкусить с ними прелести блатной жизни.

Делая вид, что мне это смешно, я всячески уклонялся от общения с ними в неформальной обстановке. Но вечно уклоняться невозможно, тебя раскусят и сделают жизнь невыносимой.

Зато они классно играли на гитаре. Однажды пригласили к себе домой, я попробовал играть, но с одного раза не получилось, и я посчитал, что мне это не дано.

Вспомнился один неприятный момент в тот период с этими дружками. Как-то в шахте во время перекуса, бригада завела очередной волюнку о жизни и о политике. В этих разговорах обычно преобладала желчь и ненависть к существующей власти. Такие разговоры для меня были крайне неприятными, но я знал, где нахожусь и помалкивал до поры. В бригаде считался белой вороной, поскольку не был судим и с чистой биографией.

По молодости и неопытности я добровольно спустился во "глубину Сибирских руд", и теперь приходилось пожинать эту «романтику» полной мерой.

С особенной злобой обсуждали они нынешних и умерших вождей, генсеков, заодно и весь строй, высказывая кучу претензий и обид.

Согласен, наверняка было, не все идеально в нашем обществе. Но они по своей глупости в ранней молодости хлебнули уже лиха, и затаили обиду на все и вся. А здесь, под толстым слоем земельного покрова им казалось, что они в безопасности, тем более в своей среде, где можно расслабиться и говорить все что угодно.

Но однажды я потерял контроль над собой и не сдержался, потому что братья, на мой взгляд, совсем грязно высказались о «боге» современности, о нашем «всё» – Владимире Ильиче Ленине.

Непроизвольно я вскипел, крикнув сорвавшимся голосом, чтобы он не смел выражаться так о человеке, «которого знает и уважает все прогрессивное человечество...»

Реакция уголовника оказалась ошеломляющей. Он кинулся на меня, и я едва успел увернуться от увесистого кулака, отскочив за вагонетку.

Противник все же изловчился и схватил меня за рукав рубы. Завязалась борьба. Подоспел его брательник...

Если бы не мужики постарше...

Они, удерживая братьев, увещевали, чтобы те «не связывались с пацаном».

Вдобавок сказал свое веское слово и бригадир:

– Оставьте вы его, он еще зеленый, жизни не нюхал. По своей глупости хотите вновь оказаться там, где Макар телят не пас?»

Я не был согласен с такой постановкой вопроса, но спорить не стал, понимая, что сила не на моей стороне.

Это охладило пыл братьев. Не смотря на браваду и позиционирование себя в роли авторитетных уголовников, они сообразили, что мужики правы. Тем более, напали они на меня при свидетелях...

Мне же бригадир строго заметил, чтобы не лез на рожон и не вздумал кому-то жаловаться. Следующий раз меня могут и не спасти...

Действительно, я вдруг представил, что два отпетых рецидивиста могли не только покалечить, но и просто зарыть меня где-нибудь в укромном уголке шахты, завалив породой. На секунду даже представил свою могилку, которая оказалась бы довольно глубокой от поверхности...

Тогда я легко отделался, но понял также, что не все лояльны к стране и строю, живя и работая здесь, многие тихо ее ненавидели.

Наверняка они действительно были обижены ею и, может, не вполне заслуженно... Кто-то запутался по своей глупости, кто-то волею случая.

* * *

Жизнь, однако, продолжалась.

Шахты дымились от горящей на терриконах породы дни и ночи напролет. Заводы работали, давая стране план. Рукотворные горы породы – терриконы постоянно сеяли пепел на город, на дома, на снег, становящийся черным, не успев лечь на округу.

Пепел забивался в щели сквозь двойные рамы окон. В погожие весенние дни, приходилось открывать их, чтобы почистить и помыть стекла, выгребая по полведра этого бурого "добра".

Проработав год в шахте, по окончании вечерней школы, я был призван в армию на Тихоокеанский флот в морскую авиацию.

Полгода учебки, зубрёжка азбуки Морзе, духовой оркестр на плацу (детдомовский и заводской опыт игры в оркестрах не пропал даром).

После учебки, я снова – салага, служу в роте радиотелеграфистов в бухте с красивым названием «Горностай».

Армия – еще одна страница моей жизни, достойная пера, как и послеармейский период...

После службы жена не пустила меня в шахту. Я устроился слесарем-ремонтником токарно-фрезерных, сверлильных и прочих станков в Центрально-ремонтные механические мастерские. Приняли морячка в бригаду сразу по четвертому разряду.

Год проработал в этой организации, затем поступил на вечернее отделение электромашиностроительного техникума при заводе «Электромашина», выпускающем аппаратуру для флота и ширпотреб для народного хозяйства: пылесосы «Буран», электромоторы, электрические двигатели и другую продукцию. Принят был в один из цехов слесарем-инструментальщиком.

Интересная и даже творческая профессия. Нам приходилось изготавливать по чертежам детали необходимые приспособления, так называемые, кондукторы для ее разметки, сверловки и других работ. Это были алюминиевые отливки, коробки различной конфигурации, которые начинялись проводами, реле, лампочками и прочим другим оборудованием для подводных лодок, но уже в других цехах.

Работа творческая, потому что чертежи деталей каждый раз были новые. Нам приходилось разрабатывать эти приспособления и изготавливать их с помощью фрезерных, токарных, сверлильных, заточных станков.

Бригадиром у нас был «дядь-Саша», как мы его называли. Он не любил обращения по отчеству, хотя был более чем вдвое старше нас.

Дядь-Саша был заядлым шашистом, и нас заразил этим «недугом» – в обеденный перерыв резаться в шашки на высадку.

Сначала мы, парни по 20–25 лет безнадежно проигрывали ему. Но вскоре ситуация стала меняться и все чаще кому-то удавалось свести партию вничью, а то и выиграть.

Помню, как в это время кипели страсти и азарт. За сорок минут перерыва мы успевали сбегать в общую столовку (предварительно кто-то из наших занимал очередь на бригаду из семи человек), пообедать, а оставшееся время с упоением резаться друг с другом на высадку.

Дядь-Саша играл с нами в общей очереди, также нервничал, огорчался, когда молодые коллеги обыгрывали его.

И я в этих баталиях тоже поднаторел, что мог бы сыграть на любых соревнованиях. Но до этого не дошло, мы просто играли ради удовольствия.

Когда уже появились компьютеры, интернет, в игре с роботом, не хвальнось, мне всегда удается выиграть у искусственного интеллекта.

Может, у него степень сложности ограничена или усреднена? Вот шахматы – другое дело.

Русские шашки не так популярны в наши дни на просторах интернета, потому и программа, наверно, составлена проще. Я изучал раньше теорию, определенные правила, комбинации, типа "Треугольника Петрова", позволяющие тремя дамками поймать дамку противника. Дается на это всего лишь шестнадцать ходов.

Есть комбинации, стабильно дающие ничьи, есть определенные ловушки, построив которые, можно «срубить» сразу несколько шашек.

На международных соревнованиях проходят турниры стоклеточных шашек, а в этой игре меньше вариантов, чем в стоклеточных шашках или шахматах, и для профессионала не столь трудно запомнить шаблоны комбинаций, позволяющие легко обыграть малоискушенного игрока.

Я и после этих баталий на заводе находил партнеров для игры. И мы в свободное время, бывало, часами проводили время за игрой.

Я столько места уделил этому своему увлечению, потому что это все-таки доставило мне немало приятных воспоминаний из того периода, когда в духовном плане почти не было альтернативы. Беспросветно не очень творческая работа, семья, дача... Жизнь на уровне офисного планктона. И хотя я не протирал штаны в какой-нибудь конторе, но и от деятельности в строительных и прочих организациях удовлетворения не приносило.

И хорошо, что хоть что-то скрашивает наши серые будни.

На третьем курсе техникума меня, как молодого и перспективного, поставили сменным мастером в нашем механическом цеху. Я, было, взялся с усердием за новое и ответственное дело, но вскоре понял, что и оно отдает рутинной.

Но вскоре мне пришлось перейти в другой цех сменным мастером штамповочного отделения.

А случилась непредвиденная и курьезная ситуация, во время которой я оказался невольным свидетелем интимной связи моего непосредственного начальника с говорящей фамилией Начаркин.

В цеху ходила негласно информация, что на этой должности он находится благодаря высокопоставленному родственнику. Среди рабочих слыл грубым, своенравным человеком. Причем открыто флиртовал с женщиной из бухгалтерии цеха, хотя был женат на красавице-жене.

Я работал посменно, ничего этого не знал. НО случился казус. Как-то, в мою вечернюю смену, он снова задержался у себя в кабинете. А в конторе, будто по делу засиделась одна из сотрудниц, его любовница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.